

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ – ШКОЛЕ

Е. В. Худякова

ЛЕСКОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВЕДНИЧЕСТВА И ТРАДИЦИИ СТАРЧЕСТВА

Интерес Лескова к позитивным началам русской жизни поразительно стабилен: герои праведнического склада нередко встречаются в самых первых и последних произведениях Лескова. Порой они оказываются на периферии повествования («Мелочи архиерейской жизни», «Заметки неизвестного»), чаще являются главными героями (старец Герасим, советливый Данила, Несмертельный Голован, одному Рыжов, протопоп Туберозов и др.), но присутствуют всегда. В нашем поле зрения будут созданный в 1870-е годы цикл рассказов о праведниках, а также хроники «Соборяне» и «Захудалый род», где интересующая нас тема разработана с наибольшей полнотой.

Нас интересует, как лесковская концепция праведничества соотносится со старческой традицией. Можно ли говорить о преемственности явлений, можно ли считать праведника Лескова (праведнический тип, созданный им) старцем (старческим типом)?

Как известно, старчество – это церковный институт, определяющий отношения учителя и ученика в деле духовного совершенствования. Он основан на духовном руководстве учителя учеником, принципом которого являются отношения взаимной аскезы, практики душеводительства и послушания. Старец – это опытный монах, а ученик – новоначальный инок, берущий на себя крест подвижничества и долгое время нуждающийся в его руководстве. Идеал старческого руководства – совершенное послушание ученика своему старцу.

Православное русское старчество генетически является продолжением старчества древневосточного, однако

приобрело отличительные черты, обусловленные, вероятно, своеобразием русской ментальности и культурно-историческими запросами более поздних эпох. В первую очередь русское старчество *народно*, основной дар русского старца – «умение духовно говорить с народом». Тип русского старца-народолюбца является русским историческим типом и идеалом, эта точка зрения является общепринятой в отечественной религиозной философии (позиции С. Булгакова, В. Экземплярского, В. Котельникова и др.).

Вторая половина XIX века явилась временем расцвета старческой традиции, и именно в это время Н.С. Лесков обращается к образу русского праведника. Галерея лесковских праведников создавалась в 70 – 90-е годы. Какова же праведническая концепция Лескова?

Поиск «сердец... потеплее и душ поучастливее» привел писателя к созданию праведных легендарных образов. Н.С.Лесков так объяснял свой выбор: «Неужто в самом деле ни в моей, ни в его и ни в чьей иной русской душе не видать ничего кроме дряни?... Как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе... Мне было несносно, и **пошел я искать праведных...**» [3. С. 180]. Таким образом, он предпринял попытку создать яркие, колоритные характеры, которые есть в реальности, более того – являются *устоем земли* и могут укрепить веру его современников в русского человека и в будущее России. Подобно Л. Толстому, Лесков создавал своего рода нравственную азбуку, противопоставляя противоречи-

вой современности устои, выработанные многовековым укладом народной жизни.

Лесков подчеркивал: «Сила моего таланта **в положительных типах. Я дал читателю положительные типы русских людей**» [2. С. 5]. Писатель искал в самой действительности «то небольшое число трех праведных», без которых «нет граду стояния». По его мнению, они «у нас не перевелись, да и не переведутся... Их только не замечают, а если присмотреться - они есть».

Своих идеальных героев он называл «праведниками», ибо поступали они, как и древние святые подвижники, во всем по «по закону божьему» и жили по правде. Главное, что определяет их поведение в жизни, – **служение живому делу**. Ежедневно его герои совершают незаметный подвиг доброго участия и помощи ближнему. **Смысл жизни лесковские праведники видят в деятельной нравственности:** им просто необходимо творить добро, иначе они не чувствуют себя людьми.

Как неоднократно отмечалось, источником духовных сил героев Лескова является национальная почва. Национальный *святорусский* уклад бытия с его воззрениями и обычаями – это для лесковских героев единственно приемлемый образ жизни. «Мой герой жаждет единоплеменности с отечеством, <...> он убежден в благости этого бытия, видя в его основе миропорядок, который подобает беречь как святыню» [4. С. 384]. Глубинная сущность русской жизни – это одновременно и сущность лесковского героя. Отделение человеком самого себя от данного миропорядка, тем более противопоставление ему своего «Я» для писателя немислимы.

Известно, что часть рассказов из праведнического цикла основывается на житейных сюжетах и представляет собой своеобразную художественную стилизацию с авторскими развитием сюжета, детализацией и композицией («Лев старца Герасима», «Совестливый Данила»,

«Дровосек», «Гора»). В наши задачи не входит анализ диалога праведнического цикла Лескова с агиографической традицией, однако важно обозначить сам факт использования писателем именно житейных источников.

Истинное христианство и официальная церковь клириков – понятия для Лескова не тождественные. В 1871 году он писал: «Я не враг церкви, а ее друг, или более: я покорный и преданный ее сын, и уверенный православный – я не хочу ее опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью. Подчиненная государству церковь утратила свою духовную свободу. Милосердие, кроткое и доброе отношение получают характер внешнего долга, предписанного законом в качестве средства угождать грозному Владыке» [2. С. 7]. Имея одним из источников агиографическое наследие, писатель находил праведников и в живой народной среде, потому что нравственные начала, способствующие совершенствованию человека и общества, видел именно в народе, а формирование русского национального характера и самую идею праведности Лесков связывал с христианством. Народ хранит тот «живой дух веры», без которого христианство теряет жизненность и становится абстракцией. Христианство, по Лескову, «это мировоззрение плюс этические нормы поведения в быту, в жизни... Христианство требует не одного христианского мировоззрения, а еще действий. Без действий вера мертва» [2. С. 6]. **Поэтому его художественная проповедь любви, добра и участия основана на земных делах.** В 1891 году Лесков скажет об этом со всей определенностью: «Мистику-то прочь, а «преломи и даждь» – вот в чем дело» [3. С. 55]. Религия Лескова – это религия действия, религия добрых дел, выраженная в идее служения людям как важнейшей в христианстве.

Движимый «братственной» любовью к людям Голован («Голован») с та-

ким бесстрашием и самоотверженностью ухаживает за больными во время морового поветрия, что его поведение толкуется мистически, и он получает прозвище «несмертельный». Христианское миропонимание для Н.С. Лескова составляет, прежде всего, урок сугубо практической нравственности: проповедь непритязательно простых и обыденных дел. **Праведники Лескова живут в миру** и оказываются в полной мере вовлечены в паутину обычных житейских отношений, но **именно в неблагоприятных жизненных обстоятельствах проявляется нравственная самобытность лесковских праведников, именно в миру они становятся праведниками.**

Совестливый Данила («Совестливый Данила»), находясь в плену, учит варваров христианской жизни, чем заслуживает уважение неверных, старец Герасим («Лев старца Герасима») отдает неимущим свое добро, ради согласия среди людей, а потом становится их советчиком. Это происходит оттого, что в сознании лесковского праведника идеальное мыслится реальным. Нравственные принципы есть должное, и поэтому неукоснительно выполняются, независимо от того, что являют собой окружающие (можно провести явную параллель со старцем Зосимой, который утверждал, что нужно следовать идеалу, «хотя бы даже и случилось так, что все на земле совратилось»).

Лесковский праведник свободен от царящих вокруг мнений и этим привлекателен. Этическая норма лесковских праведников – это независимо достойное служение, причем служение в миру (отец Кириак отказывается насильно крестить язычников, совестливый Данила не принимает формальное прощение священников, а ищет истинное прощение среди людей).

Отличительная черта лесковских праведников есть отказ от порывающей с миром практики уединенного самосовершенствования. Лесковским

праведникам, как писал М.Горький, «совершенно некогда подумать о своем личном спасении – они непрерывно заботятся о спасении и утешении ближних» [3. С. 202]. **Потребность делать добро как всепоглощающее чувство, не оставляющее места заботам о себе самом, – мотив, звучащий у Лескова весьма настойчиво.** Его героям присуща евангельская беззаботность о себе. Сущность праведничества заключена для писателя в строках «Запечатленного ангела» о Павле: «...кротко сияющий луч спокойно совершает то, что не в состоянии сделать свирепая буря». Герои Лескова порой уклоняются от борьбы даже в тех случаях, когда, казалось бы, надо отстаивать высокие нравственные принципы: они не ходят сеять и усугублять рознь. Туберозов в «Соборях» избегает, насколько возможно, столкновений с Варнавой Препотенским, тогда как тот всячески изыскивает для них поводы.

Праведники Лескова ощущают жизнь как бесценный подарок, именно поэтому в их бытии отсутствует реакция обиды на жизнь. «Его кто как хочет обижай, он не обидится и своего достоинства не забудет», – говорит Рогожин о Червеве [4. С. 205]. Его слова созвучны со словами Зосимы: «Любите все создания Божие, и целое, и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь» ([4. С. 415]. **Для героев Лескова обидеться – значит забыть о своем достоинстве.** Мудрость для них – не в искании более заметного и достойного положения, а, напротив, в том, чтобы жить праведно, оставшись на своем месте. Самоотверженное добро и неукоснительное исполнение нравственного долга мыслятся писателем глубоко укорененными в народной жизни (хотя и недостаточно «закрепленными» социальным укладом). Человечески ценное формируется, по Лескову, в общей многовековой русской жизни. Основой представлений Лескова о нравственно совершен-

ной личности послужили идеалы христианской этики, принципы которой ассоциировались у него с неписаными законами «практической нравственности» народа.

Постановка проблемы идеала и личности прекрасного человека в творчестве Лескова имеет глубоко оригинальные черты. В отличие от Достоевского, воспринимающего хаотическое состояние современной ему жизни прежде всего через призму все определяющих начал веры и неверия, всечеловеческого братства, Лесков решительно отстраняется в своих рассказах о праведниках от постановки подобных мировоззренческих проблем. В центре его внимания – примечательные характеры, описанные им почти с документальной точностью, реальные судьбы и события. Питая, подобно Л. Толстому, недоверие к каким бы то ни было «теориям», Лесков намеренно ограничивает свои авторские права, сводя их к роли собирателя и записчика передаваемых «достоверных» житейских историй. Главные сюжетные коллизии, на которых построены праведнические рассказы, – это, как правило, не противоборство идей, доктрин, теорий, а столкновение добра и альтруистической любви и холодного безучастия, высокой честности и беззащитной изворотливости. Не случайно в своей статье «Куфельный мужик», навеянной бытовым эпизодом из жизни Достоевского, Лесков именуется этого писателя «духовным христианином» и, слегка подтрунивая над темнотой его пророчеств, противопоставляет его «практическому христианину» Толстому, о своем совпадении с которым во многих вопросах он не раз заявлял в письмах и литературных выступлениях. Для Лескова Достоевский – «духовный христианин», а Толстой – «практический христианин». «Праведник» Достоевского интересен и значителен как человек, который нашел правильную идею, дарующую ему крепость. Не только поведение, но и самочувствие такого героя всецело опре-

делено этой идеей. Праведники Лескова свободны от всевластия идей. Они вообще чаще всего далеки от какого бы то ни было теоретического поиска и следуют в своих мнениях и поступках непосредственному движению сердца. По словам Горького: «Герои Лескова – это очарованные любовью к людям – то есть излучающие свет совершенной, братственной любви» [3. С. 49].

Однако Лесков и Достоевский по-разному раскрывают тайну этого «феномена русской жизни», по-разному представляют возможности активного духовного воздействия, служения в миру.

Зосима предстает перед читателем как человек, давно уже получивший известную свободу от каких-либо определенных сословно-иерархических и бытовых, житейских ограничений; это положение позволяет ему выработать целостную нравственно-философскую концепцию. Из рассказа самого Зосимы следует, что именно странствиям и страданиям, поднявшим его над пригнетающей властью житейской повседневности, обязан он чувством благоговейного уважения к великому таинству жизни, пережитым и осознанным как религиозное чувство. Отзываясь всем своим существом на бескрайнюю неизреченную красоту природы, Зосима восходит на новую ступень своего духовного роста – обретение внутреннего умиления, любви к каждому, видение «другого».

Эти великие духовные блага, обретенные им в скитальничестве и страданиях, Зосима несет в «мир», где они не остаются незамеченными. Нравственное обаяние старца так велико, что каждый человек, столкнувшийся с ним, чувствует старческое влияние и руководство. Подобный пафос умиления и открытость для «других» мы можем наблюдать у лесковского Голована. Естественная устремленность к добру выражается в лице «праведника» Голована: «Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту: она светилась в ка-

ждой черте, но преимущественно играла на устах и в глазах умных и добрых, но как будто немножко насмешливых» [1. С. 353]. Сам Голован верит в присущую каждому человеку способность в решительный момент жизни явить добро и справедливость. Вынужденный выступать в роли советчика, он, подобно старцам, не дает готовых вариантов решения, а пытается активизировать нравственные силы собеседника, предлагая ему поставить себя в ситуацию, требующую последнего и уже поэтому праведного решения: «...помолись и сделай так, как будто тебе сейчас помирать надо. Вот скажи-ка мне: как бы ты в таком разе сделал?» Тот подумает и ответит. Голован или согласится, или даже скажет: «А я, брат, умираючи, вот как лучше сделал. И рассказывает по обыкновению все весело, со всегдашней улыбкой.» [1. С. 358]. Голован не пугает людей страхом Божьего суда, наоборот, он как бы заражает других «легкостью», с которой он сам творит добро.

Праведники, подобно старцам, находятся во власти неимперативного, тихого стремления водворить в жизнь «царство правды и бескорыстия». В этой грани своего облика они наследуют зародившемуся в XIV веке стилю духовно-культурной жизни, который возник в результате практического творения на Руси исихазма, пришедшего из Византии и многое определившего в русской культуре последующих эпох. По мысли В.О. Ключевского, верхневолжская Великороссия была создана «дружескими усилиями монаха и крестьянина» и, в частности, «тихим делом», «кроткими речами» и неброским, но внушительным примером людей круга Сергия Радонежского, который для того, чтобы возродить Россию и «сплотить и упрочить государственственный порядок», использовал «неуловимые, бесшумные нравственные средства, про которые и не знаешь, что и рассказать» [3. С. 204].

В такой трактовке личности «праведника» сказала органическая близость Лескова традициям древнерусской литературы. Известно, что идеальные персонажи Печерского патерика, за немногим исключением, не мученики, а радители, и не столько за веру, сколько за правду. Способность жить по высоким моральным законам Лесков связывает с тем, что его «черноземные» и «мелкотравчатые» герои – воплощение лучших нравственных сил народа (Ододум, Голован и др.) Секрет необоримой нравственной крепости героев Лескова – в теснейших связях с миром народной жизни, которые и позволяют каждому из них преодолеть в решительный момент инстинкт самосохранения и явить дерзновенное бесстрашие.

Знаменательно сходство между обликом лесковских праведников и заволжских старцев – нестяжателей XV века, среди которых наиболее яркой фигурой был Нил Сорский, поборник незаметного и тихого «умного делания», не притязавшего на «учительство» и авторитетность у современников и на память потомков. Известное намерение Лескова (не осуществленное в дальнейшем) написать о Ниле Сорском преследовало, по словам писателя, следующую цель: «Это будет образцовое жизнеописание русского святого, которому нет подобного нигде по здравости и реальности его христианских воззрений» [3. С. 204].

Вместе с тем лесковское праведничество существенно отличается от русского подвижничества XIV-XV веков, которому сопутствовали уединение от людей, созерцательное погружение в молитву и борьба с собственной греховностью. Лескову чужда столь важная в агиографии идея уединенно-сосредоточенного нравственного самосовершенствования. Всецелая озабоченность человека личным совершенством во имя возвышения над людьми осуждена писателем в образе Ермия («Скоморох Памфалон»). Этот ушедший от людей ради спа-

сения своей души и прославившийся святостью человек, встретив самоотверженного Памфалона, понял, что жил грешником: забыл о существовании достойных людей, предавшись гордости и залюбовавшись собой. Памфалон говорит: «Я не могу о своей душе думать, когда есть кто-нибудь, кому надо помочь». Этическая норма, провозглашаемая Лесковым, противопоставлена идее чисто индивидуального спасения души путем аскезы и бегства от мира. Праведники Лескова не озабочены вниманием к себе окружающих, не стремятся к тому, чтобы их благородство было кем-то замечено. «Не стоит думать о том, что будут делать другие, когда вы будете делать им добро», – полагает Червев [3. С. 205]. А вот завершающая фраза в рассказе «Человек на часах»: «Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него, где бы оно ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мне кажется, должны быть вполне довольны святым порывом любви...» [3. С. 205].

Самосознание лесковских героев свободно от рефлексии. Несосредоточенность на себе, полная растворенность в заботах и скорбях других людей – вот что составляет для Лескова исторически не проходящую ценность. Бескорыстие и самоотверженность праведника, по мысли Лескова, несовместимы с чувством собственной избранности и духовной привилегированности.

Привычному для русской литературы XIX века герою, причастному умонастроениям эпохи, стремящемуся утвердить себя и свою позицию, Лесков противопоставляет человека иной ориентации: связанного в большей мере с культурно-историческим прошлым и стоящего в стороне от веяний современности. Писатель не пытается формировать человеческие ценности в итоге пересмотра привычных воззрений, а, напротив, находит нечто живое в недрах традиционного уклада. В своем творчестве он постарался

раскрыть первоосновы русской духовно-практической культуры вообще и старческой традиции в частности. В своей современности, противоречивой и динамичной, Лесков усмотрел прежде всего то, что роднит ее с далекой стариной. По собственным словам писателя, его интересовали «тихие, тайные струи, которые текли под верхней рябью русских вод, кой-где поборожденных направленными ветрами» [3. С. 232]. Однако писатель далек от романтической идеализации русской старины. Напротив, с присущей ему «тихой язвительностью» он изображает характерную для отошедшей эпохи русской жизни надменность губернских наставников и бюрократичность провинциального общества. Но Лесков дорожит человеческими качествами и связями, идущими через века. Характерные для многих рассказов о праведниках обороты: «он у нас...», «у нас на Руси...», «На Руси все православные знают...» указывают на относительную целостность уходящего в прошлое мира русской жизни.

Лесков формулирует свою концепцию праведничества, открывает положительный тип русского человека. Аскетическое существование Рыжова, драматическое «житие» Туберозова, неустанное самопожертвование Голована – все эти варианты подвижнического жизненного пути находятся в центре лесковского осмысления прошлого. «Прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастного врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить в грудь себе пук штыков, как известный герой швейцарской свободы» [3. С. 222].

Праведник Лескова достаточно **типичен**: всех праведных героев объединяет принцип деятельной любви, отказ от духовной привилегированности и народная востребованность. Эти же принципы лежат в основании феномена русского старчества. Подобные концептуально

смысловые параллели позволяют утверждать, что лесковская концепция праведничества есть самостоятельное прозрение Лескова (в ситуации духовного кризиса конца XIX века и в преддверии религиозного ренессанса рубежа веков) есть закономерное осмысление старческой традиции, доказывающее парадигматическую преемственность явления старчества. Но в данном случае нельзя говорить о

«популяризаторской» проекции церковного института (явления) на полотно художественной литературы, поскольку имеет место осмысленное желание писателя создать и закрепить в культуре русский праведнический тип человека, основываясь на духовных подвижнических началах, выработанных многовековым укладом народной жизни.

Библиографический список

1. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11-ти томах. Том 6. М., 1956-1958.
2. Старыгина Н.Н. Больше веры, больше света в высокое призвание человека // Н.С. Лесков. Легендарные характеры. М., 1989.
3. Столярова В.И. В поисках идеала (творчество Н.С. Лескова). Л., 1978.
4. Хализев В., Майорова В. Праведники Лескова // В мире Н.С. Лескова. М., 1983.